

Мальчишка с нашего двора

РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА

Когда с высоты прожитых лет пытаешься всмотреться в собственное детство, то неизменно сталкиваешься с эффектом переводной картинки: нечёткая вначале, она, по мере вглядывания, становится всё ярче и ярче до тех пор, пока не обрушивается оглушительным каскадом воспоминаний. И кажется, что тогда, несколько десятков лет назад, солнце светило ярче, трава была зеленее, вода – мокрее, и от этого незначительные подробности собственного детства вдруг обретают весомость судьбоносных моментов.

ВАЖНЕЙШЕЕ ИЗ ИСКУССТВ

...Андрей Григорьев появился на свет в Рыбинске и был по сути в своей семье первым «стопроцентным» горожанином. Деды с обеих сторон перекочевали в город накануне войны, покинув обжитые большесельские, по маминской линии, и пошехонские, по линии отца, земли по разным причинам. Деда по отцу, говорили взрослые, толкнула на этот поступок коллективизация, хоть и терять ему было нечего. Семья Григорьевых вообще, а дед – особенно, вещицой не страдала сроду. Более того, внезапно свалившееся на голову «богатство» (по мальчишеским, конечно, понятиям) – найдённое то ли на чердаке, то ли, напротив, в погребе ведро, полное медных монет, дед безжалостно сдал в цветмет, хотя у внука Андрюши были на этот клад куда более солидные планы. Ведро с деньгами предпологалось опять закопать, но уже не так бестолково, как это было сделано предшественниками, а согласно тактике и стратегии пиратов, знающих толк в подобных вещах: ровно в полдень, в направлении северо-запада, куда указывала ветка старого дуба (а возможно, липы), для чего следовало отсчитать пятнадцать шагов... Ну и далее по тексту.

История с кладом, завершившаяся, по мнению мальчика, столь бездарно, пришлась на тот период времени, когда все окрестные сорванцы, и Андрей Григорьев в том числе, бредили далёкими морями и пиратскими приключениями. Вообще по тематике игр дворового мальчишеского сообщества можно было судить о репертуаре в городских кинотеатрах. Как только на киноэкраны выходили фильмы «Спартак», «Даки» или «Триста спартанцев», тотчас изгоставливались мечи и щиты, днём и ночью во дворах шли гладиаторские бои. После «Трёх мушкетёров» все становились ужасно галантными и обращались друг к другу не иначе как «милостивый государь». Стоило появиться на киноафише орлиному профилю Гойко Митича – не ходи к гадалке, тотчас начинались бесконечные игры в индейцев.

Надо сказать, что суббот-

ние походы в кино – на неделе подобные развлечения не поощрялись родителями, но выходные – дело святое! – были настолько яркими событиями в мальчишеской повседневной жизни, что запоминались надолго. Даже сегодня, когда с того времени, о котором идёт речь, минуло лет эдак сорок и знакомство нашего героя с мировым кинематографом обрело совсем иные масштабы, кинопоходы детства помнятся ему так, как будто это было вчера. Неизменно сильное впечатление производило само убран-

Фото из семейного архива

ство Дворца культуры (нынешний ДК «Авиатор»), где помимо кинозала были огромный театральный зал, хрустальные люстры, ниспадающие красивыми складками шторы... – всё это великолепие после привычного домашнего интерьера: деревянный дом, удобства на улице, во дворе толкутся куры – каждый раз ошеломляло как в первый.

Надо сказать, что педагогический коллектив школы № 26, в которой учился Андрей Григорьев, настолько проникся ленинской уверенностью, что важнейшим из искусств для нас является кино, что в школе время от времени даже отменялись занятия и все классы, с первого по десятый, хором отпраздновали в кинотеатр «Центральный» на первый сеанс. Смотрели самые разные филь-

мы, а не только детский репертуар: с той поры запомнились «Директор» (с Николаем Губенко, а вовсе не с Джеймсом Белуши в главной роли), «Красная площадь», «Братья Карамазовы» (не включённые ещё тогда в школьную программу)...

– С одного из просмотров мы решили с мальчишками снять. В тот раз мы шли смотреть «Чайковского», но нам показалось, что это фильм исключительно девчачий. А в «Авиаторе» в этот день шёл другой фильм – про революцию, «Угол падения» назывался. Приходим мы к кинотеатру, а там, несмотря на раннее утро, стоит толпа желающих посмотреть «Чайковского» и все стреляют лишние билетки. Мы тут же за сорок копеек продали свои и без малейшего зарезервирования отправились на «Угол падения».

Естественно, классный руководитель Фрида Львовна отследила массовую неявку и вечером пошла по домам – от-

крывать глаза родителям на то, как их чада относятся к Чайковскому. В качестве наказания прогульщикам было вменено пойти в выходной день в кинотеатр неорганизованным порядком и фильм «Чайковский» посмотреть-таки.

– С тех пор Смоктуновский стал одним из самых любимых моих актёров, – говорит Андрей Вениаминович, – а из «Угла падения» не могу вспомнить ни одного эпизода.

МАЛЬЧИК И ИЛЫЧ

Нет, всё-таки никогда не знаешь, где и когда срикошетит то или иное мимолётное детское впечатление. Вот, к примеру, огромный портрет Ленина, занимавший целую стену актового зала в детском саду, в который ходил Андрей Григо-

Фото Вячеслава ЮРАСОВА

рьев совсем уж в юные годы. Висел себе портрет и висел, в любом советском учреждении была подобная деталь интерьера в шестидесятые годы прошлого века. Но вот что примечательно: именно этот портрет, точнее – образ дедушки Ленина, всплыл в памяти Андрея, когда он, уже будучи школьником, один-единственный раз забрёл на занятия кружка лепки.

– Руководитель нам тогда сказал: лепите для начала что-то хотите... Ну, я и слепил.

– Только не говорите, что изваяли бюст Владимира Ильича!

– Конечно!

– Да почему вдруг?!

– Может, потому, что это оказалось самым несложным. Ребята, занимавшиеся в кружке, делали потрясающие вещи. Например, действующий макет фонтана Дружбы с ВДНХ: и глиняные скульптуры были все вылеплены подробно, и даже вода текла. Я здраво оценил свои возможности: такой фонтан мне ни за что не слепить, а на зайчиков размениваться не захотелось... Но мой «Ленин» руководителю решительно не понравился, он обозвал его

«фантомасом» и велел тотчас сломать. На этом мой курс ваяния и закончился.

СТИВЕНСОНУ НА ЗАВИСТЬ

Андрей очень рано приистрастился к книжкам. Ещё до того, как научился читать самостоятельно, он наизусть выучил те незатейливые детские истории, вроде «Мойдодыра» или «Федорино горе», которые читали ему вслух мама Женя и папа Веня.

А потом пошла эпоха запойного чтения: ночью под одеялом с фонариком, в школе во время уроков, тайком передвигая книжку под партой. Проблема была одна: хороших книг в то время было практически не достать. Хотя, конечно, имелись библиотечный читальный зал, разные журналы и газеты, которые родители обязательно выписывали, и Андрей даже приносил домой вырезанные статьи в «Пионерской правде» из номера в номер повести с продолжением и наклеивая потом вырезки в тетрадь.

Что касается покупки книг, то тут дело пускать на самотёк

было совершенно невозможно. Эдак вовсе ни с чем останешься! Андрей с приятелем, таким же страстным книжником, разработали определённый ритуал: два раза в неделю в послеобеденное время они методично обходили все книжные магазины города. Было таковых немного, штук шесть. Время от времени в расставленные сети попадалась какая-нибудь «золотая рыбка» – «Морской волк» Джека Лондона или «Том Соьер» Марка Твена. Издания, как правило, были неважного качества, на плохой бумаге, но разве это имело в те годы значение? В случае удачи книга откладывалась у продавца «на полчасика», и мальчишки стрелой неслись по домам за деньгами. Некоторые книги, купленные в то время, до сих пор сохранились в коллекции Андрея Вениаминовича.

А иногда и вовсе случалось фантастическое везение, например, когда кто-нибудь из знакомых по каким-то причинам вдруг отказывался от очередного тома «Всемирной литературы».

– Однажды один наш знакомый, у которого была подписка на «Всемирку», вдруг отказался от тома Уэллса, так как у него было «огоньковское» собрание сочинений этого писателя. Он сказал: придёшь в магазин, назовёшь мою фамилию, и тебе выдадут Уэллса. Не веря своему счастью, я помчался в магазин... До сих пор помню, с каким восторгом и торжеством я вышел на улицу, став обладателем заветного тома, как я шёл, нарочито небрежно повернув книгу обложкой к прохожим, чтобы все видели, как мне повезло в этой жизни, – рассказывает Андрей Вениаминович.

Когда количество прочитанного переросло в качество, Андрей решил сам восполнить нехватку в природе хороших книг и сочинил парочку романов: один в пику Стивенсону, из жизни пиратов, а второй, чтобы Айзек Азимов не задавался, – про роботов. Хотя в эти годы он вовсе не бредил литературой как профессией и в школе считался приверженцем точных наук: успешно участвовал во всех математических олимпиадах, и ему даже прочли поступление в специальную математическую школу при МГУ...

К счастью, слово всё-таки победило цифру. В девятом классе Андрей Григорьев поступил в университет рабкро, который существовал при редакции газеты «Рыбинская правда», и, собственно, именно тогда решил стать журналистом. Последовавшие за этим годы убедительно доказывают, что это было единственно правильным решением.

Лариса ДРАЧ